

Иногда тьма —
единственное, что остается внутри.

МГНОВЕНИЯ МЕЖДУ МИРАМИ

ПОТЕРЯ • ВИНА • НАДЕЖДА • ИСКУПЛЕНИЕ

Ризван Эльдаров

Мгновения между мирами (1 часть)

<https://litres.ru/73993584>

SelfPub; 2026

Аннотация

Джастин выживает в Миннеаполисе — работает на износ, ухаживает за больной бабушкой, держится из последних сил. Ханна живёт в Сент-Поле с болью которую не может отпустить — после потери сына и распавшегося брака она просто существует. Двое незнакомых людей, два разных города, две одинаково сломанные жизни.

Они встретятся случайно. Или нет.

Ночные кошмары, тени на границе зрения, ощущение чужого присутствия — всё это можно объяснить усталостью и горем. Психологи объясняют именно так. Разум человека способен на многое когда ему больно.

Но иногда тьма — это не метафора.

«Мгновения между мирами» — история о людях которые несут слишком тяжёлый груз. И о том что живёт там где боль становится невыносимой.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ризван Эльдаров

Мгновения между мирами (1 часть)

Глава

Чертоги человеческого разума, могут свести с ума, однако тьма не всегда поглощает, она поощряет.

Глава 1 — (Парень из Миннеаполиса)

Джастин проснулся до будильника — как всегда. Серый свет просачивался сквозь старые жалюзи, рисуя полосы на облезлой стене. На тумбочке тикали дешёвые часы и стоял стакан воды — тёплой, потому что холодильник снова не работал.

Джастин натянул куртку, не застёгивая — по прогнозу снег, но идти всё равно надо. Грузчики требовались на складе у железной дороги. День — сорок пять баксов. Если повежёт — дотащат до пятидесяти. Если нет — останется лапша и боль бабушки на совести.

Она была в спальне, почти не вставала. Его бабушка пахла чем-то родным: мятой и лекарствами. Вчера он менял ей повязки.

— Всё хорошо, бабуль. Я скоро.

Она только кивнула, едва заметно. Слабость забирала у неё даже слова.

На улице было холодно, как в душе. Миннеаполис в такие дни казался равнодушным. Прохожие смотрели сквозь него, машины проносились мимо, и только его шаги звучали чётко. В наушниках — старая песня, которую он когда-то слушал с отцом. Тепло от воспоминания — и укол боли следом.

Он выдохнул и шагнул в новую смену. Снова работать, снова выживать.

Глава 2 — Ханна (Девушка из Сент-Пола)

На светофоре снова красный. Ханна сидела за рулём, рука на рычаге, и глаза в зеркале. Чёрная тушь чуть смазалась — не от слёз, а от усталости. Она уже давно не плакала. Даже во снах, где её сын бежал по зелёной лужайке, смеясь, — она просто смотрела. Ни слова. Только смотрела.

На переднем сиденье — маленький плюшевый слоник. Ему было бы уже три.

— Привет, малыш, — прошептала Ханна, будто он рядом.

Скоро снова в офис. Дизайн, брифы, клиенты, «нужен шрифт побольше», «давайте сделаем в стиле Pinterest». Она улыбается им, кивает. А внутри — только тишина.

Сент-Пол кажется ей тесным. Здесь всё напоминает: скамейка, где они сидели втроём; кафе, где она когда-то рисовала на салфетке имя сына. Муж ушёл после трагедии. Сказал, не может жить с призраками. Она осталась — и с ними,

и с собой.

Она включает музыку, чтобы заглушить мысли, и поворачивает на улицу, где стоит дом её матери. Она едет туда — не потому что нужно, а потому что не знает, куда ещё.

Глава 3 — работа, хорошо?

Будильник, бесконечные трудовые будни? Есть ли здоровый конец всему этому течению жизни, а впрочем, некогда размышлять о жизни.

Сейчас мои цели должны сопутствовать с выздоровлением бабушки, а иначе смысла от моей работы нет.

На улице теплая погода, даже удивительно как все меняется за считанные дни. Два дня назад я работал под падающими снежинками, которые постепенно разбирали тепло моего тела. Вроде, так незначительно, однако мало по малу, добились результата. Хм, меня интересует вопрос, а моя работа изо дня в день, будет сопутствовать результату которого я желаю достичь? Или же это другой случай? Впрочем, выбора у меня нет. Этому миру не нужны слабые люди, он отсеивает их как недееспособный мусор.

Может мне уже стоит сменить мою форму, исхудала в край.

— Чего время тянешь? Чем быстрее закончишь, тем быстрее дома окажешься: сказал Роберт (начальник)

Руки заполнены маленькими ранами: ссадинами, порезами.

Но это все мелочи этой жизни, на которые не стоит обост-

рять внимание.

Усталость взяла вверх и было принято решение сесть и пообедать, однако обед был всего лишь предлогом для отдыха, ведь еды, как таковой, не было.

Достав из кармана яблоко, стал рассматривать, вот и обед, не густо, однако для продолжения работы, хватит.

Сент-Пол

Ханна сидя в офисе, слушала разговоры своих коллег, которые обсуждали современные «тренды».

—Время от времени уши пробивал звонкий смех Келли, однако как говорят «Глаза - зеркало души». Было видно что смех является лишь наигранной сценой, она развелась с мужем. Не думаю что свежие раны так быстро заживают. Вражье, не иначе.

А впрочем, это не мое дело, своих проблем хватает.

— Время близится к 6 вечера, хм, успею ли я заехать на диагностику автомобиля? Попробовать стоит, других альтернатив, не вижу, чем душиться в пустых закоулках своего дома, побываю в окружении людей.

Ханна шла медленным и неторопливым шагом к своей машине, приятный теплый ветерок игрался с ее волосами, как она со своим сыном 2 года назад. Момент упущен? Может это все сон? Нет.

Мысли игрались в голове Ханны, искали путь для облегчения, однако все это самообман. Человеческий мозг пытающийся обмануть сам себя? Иронично. Боль утраты затме-

вает все другие чувства, вплоть до их полного искоренения.

Ханна села в машину, поправила платье, запустила двигатель автомобиля. Уже почти полностью стемнело. Последние лучи солнца прощались с этим бранным миром.

По дороге она слушала свой плейлист, в котором осталось много песен, с прошлого, а удалить и загрузить новые, не хватало и времени, и сил.

Водительское окно было приоткрыто, поступал мягкий ветер, который то и дело игрался с шапочкой Ханны.

То и дело она смотрела в зеркало, вспоминая времена, когда беззаботно жила в свое удовольствие, однако все сменилось, и сейчас натянуть улыбку, является испытанием.

Доехав в сервисный центр, Ханна оставила ключи у механика и вышла выпить чашечку эспрессо. Сервис находился на окраине города, где уже в пол верстах виднелся лес, от него веяло уже не теплым и приятным ветерком. А холодным и пробирающим все кости.

— *Свист*

Ханна напрягла слух и поняла, что свист исходит со стороны леса, по спине полезли мурашки.

— Вдруг предвестник плохого?: пробормотала она

— Мэм, у вашего автомобиля изношены подушки двигателя, их стоит заменить, — механик зашел обратно в здание.

Ханна развернулась и пошла в сторону сервиса, но ее не покидало ощущение взгляда кого-то, она обернулась, как и ожидалось, там никого не было.

Она зашла в сервис, вместе с механиками заказала новые подушки для двигателя.

Глава 4

– Будильник прозвенел громче обычного, однако значення это не имело, ведь Джастин проснулся еще 15 минут назад. Он удивился, когда не ощутил запаха свежего кофе, ведь Бабушка Аманда любила его готовить.

Медленно отворив дверь в комнату бабушки, до его носа дошел едва уловимый запах мяты и лекарств. Бабушка сидела на кровати, посмотрев на Джастина, она пробормотала – Живот болит.

Джастин от осознания своей беспомощности просто стоял молча, он старался изо всех сил исправить положение, однако все к хорошему не вело, но надежда не утрачена, она все еще есть.

Открылась дверь автомобиля, Джастин сел в машину и поехал на работу, странное ощущение тревоги не покидало его. Может от слов бабушки?

Эти слова сжимали сердце, но надо работать чтобы выжить.

После очередного перетасканного мешка цемента, его телефон начал вибрировать, пришел звонок от неизвестного номера, Джастин поднял его

— Ало?

— Джастин Николас? Вас беспокоит главный врач центральной больницы города Миннеаполиса.

У Джастина перехватило дыхание..

Неужели с бабушкой что-то случилось? Вдруг что-то непоправимое?

— Исходя из документов мы поняли что это ваша Бабушка, если вам не усложнит, ждем вас в больнице.

— Хорошо, – ответил он дрожащим голосом.

Час спустя

— Где моя бабушка, что с ней??

Врачи утешали его, говоря, что многое можно вылечить и исправить.

Он знал состояние своей бабушки, поэтому и беспокоился.

Главный врач проводил его в палату, прогнозы были не обнадеживающими, болезнь развивалась и она была не единственной проблемой.

— Я понимаю вам тяжело, однако я должен сказать. У вашей бабушки не только проблемы с почками, еще и рак.

Гробовая тишина зависла в палате, можно было услышать звук капающего крана в коридоре, сквозь закрытую дверь.

Джастин молчал, врач тоже, и что отвечать после таких услышанных слов? Выпрыгнуть в окно? Убить доктора? Странные мысли неправда ли. Но все они имеют место быть, или все же нет

Джастин вышел с палаты сдерживая слезы, он вышел с больницы и упав на колени, начал плакать

— Что же я в этой жизни сделал не так? Сначала родите-

ли? Теперь еще и бабушка? Отдыха не будет мне в этой жизни? Всех близких я должен потерять?

На улице была ясная погода, но никак не утешала того факта, что все до слез больно.

Сент-Пол

Ханна сидела в машине, припаркованной у обочины, и тяжело дышала. Тело ломило, желудок сводило, голова кружилась. Она думала, что просто устала — на работе завал, и последние дни она почти не ела. Но теперь всё говорило о серьёзном отравлении.

Она держала в руке маленькую пластиковую бутылку с водой и смотрела прямо перед собой, не видя дороги. В зеркале заднего вида мелькнуло её лицо — бледное, с синеватыми кругами под глазами. Слабость была почти физическим ударом, но куда сильнее било чувство одиночества.

Рядом никого. Ни мужа — он давно уже с другой. Ни близких друзей — после трагедии она сама отдалилась от всех. Всё, что у неё осталось, — это воспоминания и ночные сны, в которых ребёнок тянет к ней руки.

Ханна вдруг почувствовала, как по щеке течёт слеза. Беззвучно. Без причины. Или, наоборот, со слишком многими причинами.

Внезапно налетел сильный ветер. Ветки деревьев зашуршали по стеклу, словно кто-то снаружи хотел что-то сказать. Она вздрогнула, но потом просто выключила двигатель и закрыла глаза.

Душевные травмы? = щель

Щель = свобода

Скоро.

Глава 5

Миннеаполис — Джастин

Джастин стоял у окна. За стеклом сгущался вечер, улицы теряли очертания, как будто весь город медленно гас. Он только что вернулся из больницы. Его ботинки были в пыли и остатках снега, руки тряслись от напряжения. Дома было пусто. Тишина, наполненная запахом мятного бальзама и дешёвых лекарств, ударила в грудь сильнее, чем новости из больницы.

Бабушка. Аманда. Единственный человек, ради которого он каждое утро поднимался. И теперь — рак. Слово, которое будто пожирало и его самого.

Он прошёлся по комнате, не включая свет. В углу стояла кружка с недопитым чаем, её любимый плед — на спинке кресла. Всё на своих местах. Но теперь всё — не так.

Телефон выскользнул из руки, когда он попытался набрать номер фонда помощи. Автоответчик. Второй номер — занят. Третий — посоветовали подать заявку на сайте и ждать. А он не мог ждать. Он не мог больше терять.

Он ударил кулаком в стену. Потом второй раз. Разбил зеркало, висевшее рядом с входной дверью. Упал на пол, сполз вдоль стены, держась за руку — по пальцам текла кровь.

«Прости, бабуль прости меня, что не могу сделать больше».

Но слёз не было. Он выжал их в больнице. Сейчас — только злость, бессилие, и пустота.

Поздно вечером он надел куртку, взял старый рюкзак и вышел. Новый день — новая подработка. Строительная бригада, работа в ночную смену. Он знал, что не выдержит, что свалится. Но знал и другое: если не он — никто.

Сент-Пол — Ханна

— Вы сильно истощены. Вам нужно полноценно питаться и отдохнуть. — Врач смотрел поверх очков, будто сомневаясь, услышит ли его пациентка хоть слово.

Ханна кивнула. Автоматически. Он протянул ей список рекомендаций, но она не взяла его — просто вышла из кабинета.

Город был вялым, будто дышал через раз. Ханна шла по улице, не зная, куда идёт. Магазины, люди, звонки телефонов — всё казалось чужим, далеким, ненастоящим. Она свернула в сторону и оказалась у старой галереи, куда когда-то ходила с мужем. А потом — с сыном. Один раз. Он ещё не умел говорить, но долго смотрел на картину с синими птицами.

Она зашла внутрь.

Запах краски, скрипы пола. Всё такое же. Ханна медленно бродила между экспонатами, пока не остановилась у окна. Там, на улице, мальчик в жёлтой куртке перебежал через

дорогу. И на секунду — сердце упало. Точно такой же бегал во сне.

«Нет. Это не он».

Она отвернулась, достала блокнот и ручку. Когда-то она вела дневник. Теперь писала только брифы и отчёты. Но сейчас, впервые за долгое время, захотелось сказать что-то самому себе.

«Малыш, ты бы сейчас уже говорил. Я представляю, как бы ты смотрел на меня, когда я не понимаю, как работает машинка.

Прости, что ты ушёл так рано. Прости, что я до сих пор не нашла себя.

Я стараюсь. Правда. Просто это трудно, когда рядом никого.»

Ручка дрожала. В конце страницы она нарисовала маленького слоника.

Вечером, когда вернулась домой, долго смотрела в потолок. Впервые не от боли, а от того, что сердце чуть-чуть отпустило. Совсем чуть-чуть. Но этого хватило, чтобы снова проснуться завтра.

ГЛАВА 6

Миннеаполис — Джастин

На третий день без сна Джастин начал путать реальность с мыслями. Работал с утра и до глубокой ночи, подменяя грузчиков, которым «нужно было отпроситься». Он не жаловался — брал смены, тянул ящики, перетаскивал цемент, выно-

сил мебель из старых домов. Всё — ради денег. Ради капельниц. Ради анализов. Ради шанса.

Он уже не чувствовал пальцев на правой руке. Мозоли разрывались, как старые письма, и снова кровоточили. Один из рабочих, Пит, дал ему перчатки, но Джастин забыл их на следующий день. А потом и вовсе перестал носить. Боль напоминала, зачем он здесь.

— Ты ведь вырубись на ногах, парень, — сказал Роберт, вытирая лоб в пыльной каске. — Домой иди, пока не грохнулся.

Джастин молча кивнул. Он знал: если пойдёт домой — не сможет смотреть бабушке в глаза. Потому что денег всё равно не хватает. Даже на первую химию. Даже на

Он вышел из ангара и сел на холодный бетон. За плечом — рюкзак, в нём бутерброд с черствым хлебом и пластиковая бутылка воды. Он открыл её, сделал глоток — и закрыл. Слишком много времени тратится даже на это.

В голове пронеслась мысль: «Продать машину отца? Обручальное кольцо матери?»

Он ударил по бетону кулаком. Не из-за бессилия — из-за злости на самого себя. Всё рушилось. И он был в этом замешан.

— Дал бы кто-то аванс — прошептал он, глядя в темнеющее небо.

Издали донёсся вой. Вроде бы собака, но что-то в нём было человеческое. Джастин поднялся и пошёл в сторону до-

ма. Внутри что-то будто сжималось — предчувствие? Или просто усталость?

Сент-Пол — Ханна

Этой ночью Ханна уснула в одежде. На кресле, рядом с ноутбуком. Свет не был выключен — она просто сдалась.

Но сон накрыл её мягко. Без предупреждений. Как туман.

Сначала — лес. Ветви шумели, ветер пробирался сквозь пальто. Она шла по узкой тропе, впереди был свет. Дом.

Дом — старый, деревянный, окна темные. Казался чужим, но в нём было что-то притягательное. Ханна подошла ближе. Дверь не была закрыта. Её рука легла на ручку. Скрип.

Внутри пахло чем-то знакомым. Кашей? Детским мылом? В углу стояли игрушки — слоник, кубики. И кровать.

Она не дышала.

— Мам

Голос.

Она обернулась. На лестнице стоял её сын. Ровно таким, каким он снился ей раньше — около трёх лет. Он улыбался, держась за перила.

— Ты пришла

Ханна сделала шаг к нему — и вдруг что-то мелькнуло позади. Темная тень. Движение. Она резко обернулась — никого. Только зеркало на стене. И в зеркале — не её отражение. Чужое лицо. Или нет лица вообще.

Она почувствовала, как ноги подкашиваются.

— Мам, пойдём, — сказал ребёнок, и его голос вдруг стал

не его.

Тверже. Холоднее.

Она отпрянула.

— Кто ты?

Дом начал меняться. Потемнел. Потолок задрожал, словно дыхание пронеслось над ним. Кроватка исчезла. Слоник упал на пол.

И тут она проснулась.

Грудь сжата, дыхание сбилось, на лбу — холодный пот. Рядом тикали часы, шёл дождь.

Ханна прижала ладонь к груди. Сердце стучало так, будто её гнали. Но она ясно запомнила:

Дом.

Голос.

И чувство, что её туда кто-то зовёт.

И она знала — это не просто сон.

ГЛАВА 7

Ханна

Тот вечер, когда она вновь заснула, был другим. Ханна не могла сказать, что её сон был спокойным, но он был ярким и полным какого-то глубокого смысла. Сон был словно из другого мира: дом, в котором она с мужем когда-то строила планы на будущее, где теперь — пусто. А вот её сын — он был там. Его маленькие руки тянулись к ней, и его лицо сияло, как в те дни, когда всё было по-настоящему. Он был жив, здоров, как в её лучших воспоминаниях. Он сидел на полу,

играл с игрушками, а она стояла рядом, наблюдая, будто не могла поверить, что он вернулся.

Но всё это было так ненастояще.

Проснувшись, Ханна почувствовала, как в груди опять сжалось, но уже не от боли, а от странного ощущения, что этот сон был не просто сном. Ей нужно было ехать. Пора было навестить могилу сына. Это не было рациональным решением, скорее — интуитивным. Молча, она оделась, села в машину и поехала туда, где он спит. Не зная почему, она чувствовала, что именно сейчас что-то изменится.

Джастин

Джастин проснулся от привычного утреннего звонка будильника. На улице было темно, но снег продолжал падать, и воздух был пропитан холодом. Он сидел на кровати, немного помедлил, прежде чем встал. Дни теперь были похожи друг на друга — работа, уход за бабушкой, бессмысленные попытки вернуться в нормальную жизнь. Он до сих пор чувствовал, как его сердце сжимается от боли, не отпускающей его с тех самых пор, как родители погибли в аварии. Он не мог поверить, что после всего этого теперь бабушка больна. Вчера врачи сказали, что её рак не поддаётся лечению.

Он подошёл к окну, взглянул на улицу и внезапно понял, что ему нужно поехать на кладбище. Не было особой причины, кроме того, что ему нужно было поговорить с родителями, поделиться с ними тем, что происходило в его жизни. В этих гробах, в этом холодном месте было что-то успокаива-

ющее. Он надеялся, что если будет говорить с ними, может быть, они смогут услышать его. Просто поговорить.

Он вышел на улицу и поехал туда, где лежат его родители, чувствуя, как по шее ползут мурашки. Эти места всегда были для него чем-то особенным — там, где он мог быть один и чувствовать, что его кто-то всё-таки понимает.

Судьбы пересекаются

Минуты шли, но вот, наконец, оба подъехали к кладбищу. Ханна и Джастин не могли знать, что сейчас их пути пересекутся, но они оба чувствовали это предчувствие. Оба двигались туда, к одному и тому же месту, не зная, что вскоре будут рядом.

Ханна вышла из машины и направилась к могиле сына, её шаги были тихими, будто она не хотела потревожить тишину. Она остановилась рядом, закрыла глаза и сжала руки в кулаки. В её груди всё сжалось от боли, а в голове не прекращались воспоминания о нём.

Джастин, выйдя из своей машины, тоже направился к родительской могиле. Он знал, что это будет тяжело, но ему нужно было почувствовать их присутствие. Просто поговорить, даже если они не могли ответить.

И вот, они встретились — взгляд Ханны и взгляд Джастина пересеклись на несколько секунд, как будто они оба вдруг осознали, что здесь, в этом месте, их миры столкнулись. Пара секунд молчания, а затем Ханна тихо произнесла:

— Вы тоже пришли.

Джастин кивнул, чувствуя, как что-то глубокое, почти неуловимое возникло между ними, но ничего не сказал. Он сам не знал, что сказать. Вместо слов, они оба стояли, просто рядом, каждый погружённый в свои мысли, но ощущая, как чужое присутствие, может быть, немного облегчает боль.

И тут, когда тишина была уже почти невыносимой, они оба услышали что-то. Это был не просто ветер или звук проезжающей машины. Это был вой — низкий, пронзительный, казалось, исходящий откуда-то издалека, но одновременно близкий, как если бы он резонировал прямо внутри их тел. Ханна вздрогнула, её глаза широко открылись. Она даже не успела подумать, как резко охватила её тревога.

Джастин тоже почувствовал этот вой — будто что-то сверхъестественное, неуловимое, но вполне реальное. Он оглянулся, но там не было никого. Ветер прекратился, и вокруг вновь воцарилась гробовая тишина.

Ханна и Джастин молчали. Что это было? Почему они оба услышали это? Почему именно сейчас?

Не зная, как реагировать, они стояли в полной тишине, как если бы мир вокруг них просто исчез.

Это был первый момент, когда их судьбы переплелись по-настоящему.

Диалог между Ханной и Джестином

Джастин

(неловко потирает затылок, не зная, что сказать)

— Так ты тоже пришла сюда по какой-то причине, да? Я

как-то не ожидал встретить кого-то.

Ханна

(немного нервничает, опуская глаза)

— Да я иногда мне нужно просто быть здесь. Сын Он был здесь. И я ну, я не знаю, как это объяснить, но это помогает.

Джастин

(смотрит в землю, пытаюсь найти слова)

— Я понимаю. Я тоже ну, я приезжаю сюда, чтобы поговорить с родителями. Не знаю, как это работает, но когда ты здесь как будто их можно услышать. Даже если они не могут ответить.

Ханна

(вздыхает и смотрит на могилу сына)

— Это странно, правда? Кажется, что это место — как пустота, и всё же тут есть какая-то связь. Но она не всегда помогает. Иногда просто тяжело быть одному.

Джастин

(смотрит на неё, его голос немного мягче)

— Да иногда одиночество становится тяжёлым. Особенно когда ты пытаешься держать всё под контролем. Я не знаю, что сказать, но может, иногда просто стоять рядом, это уже что-то?

Ханна

(смотрит на него, немного удивлена)

— Да, возможно. Хотя, это всё равно странно. Ты ведь не знаешь меня, и я не знаю тебя. А тут стоим вместе, как будто

это нормально.

Джастин

(смущается, нервно улыбается)

— Ну, мы вроде как оба здесь по какой-то причине. Может, в этом есть смысл хотя и немного неловко. (пытается шутить, но не получается) Всё как-то не так, правда?

Ханна

(смеётся, сдерживая улыбку)

— Да, немного неловко. Но, может, в этом и есть что-то реальное. Не знаю.

Джастин

(оглядывается, заметив, как туман скрывает кладбище)

— И всё-таки странно, как одно место может быть таким важным. Не знаю, как ты, но я тут как-то чувствую себя не таким одиноким, что ли.

Ханна

(смотрит на могилу сына, затем на Джастина)

— Может, потому что иногда нам нужно просто понять, что мы не одни. Даже если это кажется нелепым.

Джастин

(кивает, немного задумывается)

— Да нелепо, но может быть, это именно то, что нам нужно. Присутствие, даже если молчаливое.

Ханна

(смотрит на него с удивлением)

— Ты прав. Это странно, но, наверное, верно. Просто

быть рядом. Мы, наверное, оба ищем что-то.

Джастин

(нервно улыбается)

— Да похоже, что мы оба здесь не случайно. Даже если это не делает ситуацию менее странной.

(Они оба молча стоят несколько секунд, обмениваясь взглядами, но не зная, что сказать дальше. Их молчание становится лёгким, хотя всё ещё сохраняется ощущение неловкости. Но как-то это уже не так важно.)

Глава 8

Джастин крепче сжал руль, когда шины коснулись асфальта выезда с кладбища. Ночь опустилась окончательно, и лишь фары его старенького Форда разрывали темноту. Он ехал молча, без музыки, позволяя себе услышать собственные мысли.

Перед глазами всё ещё стояло лицо девушки. Ханна. Она будто была из другого мира — не отсюда, не отсюда, где грязные улицы, счета за лекарства и ржавые подъезды. И всё же она стояла там, у соседней могилы, с глазами, полными боли. Похожей на его.

Он вспомнил её слова. Вой.

Он тоже его слышал. И пусть разум отмахивался — мол, ветер, собака, иллюзия — сердце сжималось. Это было нечто иное. Слишком живое. Слишком близкое.

Сигнал светофора сменился на красный, и Джастин остановился. Посмотрел на своё отражение в зеркале. Глаза

уоставшие, но в них что-то дрожало. Страх? Нет. Это было другое. Предчувствие.

Ханна ехала молча, держась за руль, будто он мог удержать её в этой реальности. В зеркале заднего вида отражалась только пустая дорога, но внутри что-то зудело — как будто кто-то всё ещё стоит за спиной. Она старалась не смотреть туда.

Впервые за долгое время она заговорила с кем-то искренне. Пусть ненадолго. Пусть с незнакомцем. Но он не спрашивал, не жалел. Просто слушал. И в этой тишине между словами было больше, чем во всех разговоров последних двух лет.

Сын снился ей накануне. Стоял босиком на траве и тянул к ней руки. А потом обернулся. И исчез. И там, где стоял он, осталась лишь тень.

Тень, похожая на ту, что мелькнула за спиной сегодня.

Джастин вернулся домой ближе к полуночи. В квартире было тихо. Бабушка спала, ровно дыша в полутьме комнаты. Он присел рядом на табурет, положил ладонь на её покрывало. Хотел рассказать — обо всём. Но промолчал.

Не сейчас.

Он прошёл на кухню, налил себе воду. За окном ветер трепал ветки, и в какой-то момент он будто снова услышал это. Тот самый звук. Глухой, тянущийся, нечеловеческий. Он вышел на балкон, но улица была пуста.

Ханна остановила машину перед домом, поднялась по

ступенькам. Сразу направилась в детскую. Комната, которую она так и не смогла убрать. Всё стояло, как было.

На полу — старый рисунок. Ручка малыша, размашисто нарисовавшая солнце и двух человечков. Она присела, взяла бумагу в руки.

И в этот момент — почувствовала.

Будто кто-то рядом.

Будто дышат в затылок.

Будто не одна.

Она обернулась. Комната была пуста.

Сердце колотилось. Она поднялась, машинально поправив картину на стене. Взгляд скользнул на зеркало в прихожей. На мгновение ей показалось, что в отражении — кто-то стоит позади.

Тень.

Высокая. Неясная.

Она резко повернулась.

Никого.

Но ветер с улицы донёс протяжный, хриплый звук. Вой.

Или просто ветер?

Она включила свет, но ощущение не исчезло.

Тьма внутри нас, поглощает или лечит? Скоро.

ГЛАВА 9

Ханна

Телефон зазвонил в самый неожиданный момент — она как раз сидела за кухонным столом, задумчиво глядя в окно,

с кружкой холодного кофе в руках. На экране высветилось имя, которое она не видела давно. «Марк». Сердце дрогнуло, но тут же затихло. Она не чувствовала ничего. Ни злости, ни боли. Просто пустоту.

— Алло, — голос её прозвучал сухо.

— Привет, — на том конце линии был его знакомый бархатистый голос. — Я просто хотел узнать, как ты.

Пауза повисла между ними.

— Почему?

— Не знаю, — признался он. — Просто показалось, ты пропала. Мы хоть и не общаемся Но ты как-то выглядела странно в тот раз, когда я тебя видел в магазине. Бледная.

— Спасибо, что заметил, — ответила она тихо. — Со мной всё ну, почти всё в порядке.

— Психолог поможет, — неожиданно сказал он. — Иногда легче становится. Я тоже ходил.

Ханна подняла брови. Это было неожиданно.

— И что, тебе помогло?

— Не сразу. Но стало легче дышать.

Он помолчал и добавил:

— В любом случае береги себя.

Он повесил трубку. Она долго ещё смотрела на экран, пока он не потух. Не потому, что ей было больно, — потому что было странно. Как будто прошлое чуть-чуть дотронулось до плеча, напомнив о себе, и тут же исчезло.

Она решилась. Записалась на приём к психологу. Всё

внутри сжималось от страха, но внутри была и решимость — если не начать сейчас, она может окончательно утонуть в себе. Психолог был женщиной, лет сорока пяти, с добрым взглядом и мягкой речью.

— Расскажите о себе, — сказала она, откинувшись в кресле.

И Ханна начала говорить. Сначала про ребёнка, про потерю, потом про развод, одиночество, про работу, коллег, которые улыбаются и шепчутся за спиной. Про кошмары. Про то, как боится просыпаться. Как в последнее время часто ловит себя на мысли: «А что, если я схожу с ума?»

Психолог не перебивала. Только кивала и что-то записывала. А потом впервые за долгое время Ханна почувствовала — ей стало легче. Совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы понять: она сделала первый шаг.

Джастин

Небо в тот день было хмурым, дождь моросил с самого утра. Он только закончил смену в супермаркете и сел в старенький «Ниссан», когда сзади вспыхнули красно-синие огни.

— Сэр, предъявите документы, — голос полицейского звучал строго. — Получен сигнал о вождении в нетрезвом виде, подходящем под описание вашей машины.

— Что? Я Я не пил. Вообще, — Джастин растерянно протянул права.

Полицейский наклонился, обнюхал воздух в салоне. Джа-

стин почувствовал, как внутри все сжалось. Он был уставший, но трезвый. Просто небритый, в мятой рубашке, с глазами, налитыми от недосыпа. Всё выглядело подозрительно — но не для того, кто знал, как он живёт.

— Выйдите из машины.

Джастин подчинился. Провели экспресс-тест — ноль. Но всё равно его забрали. Формальность. Нужно было всё задокументировать.

В участке пахло старой бумагой и кофе. Джастин сидел в комнате ожидания, рядом с парнем, которому явно не повезло больше — тот бредил и смеялся без причины.

— Мне можно позвонить? — спросил он у дежурного.

— Тебя скоро отпустят. Потерпи.

Он опустил голову, чувствуя себя униженным. словно жизнь продолжала подкидывать ему испытания, даже когда он просто хотел доехать домой. Бабушка ждёт как же бабушка? — мысли метались. Всё это было нелепо, но страшно.

Через два часа его отпустили. Он шёл по улице, промокший, усталый, с ощущением, что в этой жизни даже трезвость не даёт тебе гарантии, что с тобой будут обращаться по-человечески.

Где-то, в другом городе, в другой тишине, Ханна впервые за долгое время села на кровать и заплакала — не от боли, а от облегчения. А Джастин, заснув у себя дома на полу, так и не успел рассказать бабушке, почему вернулся поздно.

Снаружи, в лесу за домами, что-то выло. И снова — никто

не мог точно сказать, было ли это настоящим

Глава 10 Марк

Двухэтажный особняк Марка стоял в стороне от городской суеты — среди невысоких сосен и аккуратных дорожек, ведущих к обрамлённому плиткой бассейну. Дом был современным, с панорамными окнами, пропускающими мягкий утренний свет. Внутри — дорогая мебель, мраморные столешницы и нейтральные тона: бежевый, серый, белый. Всё выглядело так, будто из дизайнерского журнала. Но за внешним лоском скрывалась какая-то холодность, будто дом был просто местом, где живут — но не местом, где любят.

Сюзии вышла из спальни, закутавшись в лёгкий халат, с чашкой кофе в руке. Её светлые волосы были растрёпаны, но глаза уже были насторожены.

— Ты опять не спал, да? — спросила она, присаживаясь на край дивана.

Марк пожал плечами.

— Просто думал.

— О Ханне?

Он молча отвернулся, глядя в сторону окна, где ветер качал ветви сосен.

— Марк, я не ревную. Просто если она до сих пор в тебе сидит, я должна знать. — Сюзии поставила чашку на стол и посмотрела на него прямо. — Ты ведь с ней расстался не из-за чувств, а потому что не мог справиться с тем, что случилось. С ребёнком.

Он помолчал, вздохнул.

— Мы оба не справились. Просто я выбрал уйти.

— А теперь? Ты пытался ей написать. Почему?

Марк встал, прошёлся по комнате. Его лицо застыло, взгляд устремился в никуда.

— Потому что она исчезла. Из соцсетей, из общего чата с друзьями, даже с родителями перестала выходить на связь. Я не волнуюсь о ней — он замолчал, — я просто хочу знать, что она жива.

Сьюзи тихо кивнула. Она понимала, что конкурировать с прошлым невозможно, особенно с таким. Оставив его наедине с мыслями, она вышла из комнаты.

Марк подошёл к окну и сел на подоконник. Сердце стучало ровно, но внутри было пусто.

Я ушёл, потому что не выдержал. Потому что видеть боль в её глазах было невыносимо. Я не хотел быть слабым, но стал именно таким. Сьюзи не напоминает мне о потере. С ней легко. Но это «легко» — как лёд на поверхности воды. Под ним — всё ещё та боль, та комната, где я в последний раз держал сына на руках. Он был тёплый, а потом просто стал холодным. Как теперь и я.

Он провёл ладонью по лицу, словно хотел стереть с себя всё, что чувствовал.

А Ханна Она, наверное, всё ещё живёт этим. Я хотя бы пытаюсь забыть. А она — каждый день там.

Солнце постепенно уходило за горизонт, заливая комнату

золотым светом. И в этом свете Марк казался не бизнесменом и не новым человеком. Он был просто отцом, который однажды сбежал.

Глава 11 Марк, жив внутри?

Он ходил из комнаты в комнату, словно надеясь случайно наткнуться на то, что могло бы успокоить его внутри. Но в каждой комнате была тишина. Пугающе глубокая тишина. Сюзи спала наверху — после вечеринки она быстро вырубилась, оставив на кухонном столе недопитый бокал красного вина. Он посмотрел на него и почувствовал, как раздражение подкралось сзади, будто кто-то положил руку ему на плечо.

— Всё у тебя есть, — тихо пробормотал он самому себе.

— Абсолютно всё

Но почему тогда он чувствует себя так, будто потерял что-то важное? Не бумажник. Не ключи. А нечто глубже.

Он сел на край дивана, взял пульт, открыл приложение с фильмами, пролистал сотни вариантов — боевики, комедии, драмы — но ни один не вызывал желания нажать «воспроизвести». Как будто всё это для кого-то другого. Не для него.

Марк вспомнил день, когда они с Ханной впервые приехали домой из роддома. Как он нервно держал малыша, боясь уронить. Как в ту ночь не смог уснуть, прислушиваясь к каждому вздоху ребёнка. Это было давно. И боль давно отступила казалось бы.

Он выдохнул и провёл рукой по лицу. Что-то было не так.

Он встал, прошёл в ванную комнату и посмотрел на своё отражение. Всё тот же человек. Те же глаза. Но теперь они были другими — в них жила усталость. В них было меньше огня.

Ему не хотелось возвращаться в спальню. Не хотелось снова притворяться счастливым. Он чувствовал, как тень прошлого медленно подбирается к нему. Он давно похоронил это внутри — вместе с воспоминаниями о сыне и женщине, которая когда-то смотрела на него с доверием.

Звук уведомления вырвал его из раздумий. Сообщение от друга: «Ты в порядке? Не видел тебя на тренировке».

Он не ответил. Просто удалил сообщение и опустился обратно на диван.

Всё выглядело нормально. Люди завидовали его новой жизни. Молодая девушка рядом, свобода, комфорт, никаких слёз, никаких скандалов. Но внутри — пустота. Ни один человек не видел этой трещины.

Он выдохнул и позволил себе произнести имя сына. Оно прозвучало хрипло, почти чуждо. И всё же, стоило ему произнести его — как в груди что-то дрогнуло.

Он почувствовал, что давно не плакал. Настолько давно, что даже не помнил, как это.

И в этот момент понял — спокойствие, которое он так долго пытался построить, было фальшивкой. Глянцевой декорацией. И то, что он считал «забытым», всё ещё ждало своего часа в глубине.

Скоро оно напомнит о себе во сне.

Глава 12. Сон или явь?

Марк проснулся рано. Не то чтобы он был свеж, но просто не мог больше лежать в постели. Сон оставил за собой странное послевкусие — ощущение, что его мысли словно поглотила чья-то тень. Всё было не так, как раньше. Даже воздух казался тяжелым. Он встал, скользнул ногами по холодному полу и направился в ванную.

Картина в зеркале не изменилась. Он всё так же выглядел как всегда — тот же человек, в тех же джинсах, с тем же усталым выражением на лице. Но что-то было не так. Он даже не мог точно понять, когда именно всё начало меняться.

Прошло несколько дней, но сон так и не отпускал его. Он видел сына. Впервые за долгое время. Сын, такой же живой и яркий, как в день его рождения. Но с каждым повторением этих снов, мальчик становился всё более странным. В его глазах не было ни радости, ни злости — только пустота, которая как будто тянула Марка в себя.

Сон, просто сон, — убеждал он себя, но каждый раз после пробуждения ощущал, что его сердце ещё не отошло от того взгляда. Что-то неладное было в этих видениях.

Он собирался в кухне, надеясь, что Сьюзи приготовит кофе, но её не было. На кухонном столе стояла записка: «Уехала к Карлу. Не задерживайся!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.